

Гу Юаньбай быстро разобрался с делом императорского цензора и принца Ци. Даже местные чиновники, посмеявшие скрыть новости из столицы, были обвинены в коррупции и сговоре со столичными чиновниками.

Надо сказать, что их и так собирались обвинить с самого начала, но Чу Сюнь не оправдал ожиданий Гу Юаньбая. Он был озабочен опасными для жизни наводнениями и не решился использовать имеющиеся у него доказательства коррупции против них, поэтому Гу Юаньбаю пришлось сделать это самому.

Средний и нижний регионы Желтой реки находились в Шаньдуне и Хэнани. Эти коррумпированные чиновники не только осмелились присвоить деньги из Императорского фонда помощи при стихийных бедствиях, но и зернохранилища, склады с мясом и оружием вокруг, казалось, были изъедены вредителями.

Как только ответственные местные чиновники прибыли в столицу, Гу Юаньбай сразу же отправил их в подземелья.

У него было не так много улик против них, и они были отправлены в соответствующий департамент, чтобы их по очереди судили в Министерстве юстиции. Необходимо было точно выяснить, сколько человеческих ртов ели и сколько рук брали взятки. Что касается тех, кто вступал в сговор с этими чиновниками на более глубоком уровне, он исследовал их лишь поверхностно.

Он хотел напугать тех, кто прятался в глубине, и дать им шанс вернуть то, что они присвоили.

Гу Юаньбаю не нужно было знать, сколько червей в стране, ему нужно было только, чтобы они тайно выплюнули то, что съели. Гу Юаньбай был готов закрыть на это глаза, лишь бы они вернули все до того, как он их обнаружит.

Первым был очищен императорский двор, все, кто был замешан в хищениях, были отправлены в Министерство юстиции, а те, кто был чист, были переданы новому начальнику.

Чу Вэй пользовался поддержкой императорского историка, и его высокомерие должно было послужить закалке его характера.

Чу Сюнь также хотел получить повышение.

Что касается тех, кто осмелился выступить в суде в защиту принца Ци, то их переведут из столицы на местную должность и вычеркнут из списков столичных чиновников, им придется выдержать антикоррупционную политику императора.

Так ты смеешь брать деньги у императорского клана, чтобы выступить в их пользу?

Тогда ты можешь навсегда покинуть ядро политической власти.

Люди из Зала Чжэнши и Бюро военных дел были так заняты решением этих вопросов, что даже не осмеливались громко дышать. Рабочее время Гу Юаньбая также значительно увеличилось. После его выздоровления наступил день, когда императорский цензор должен был быть изгнан и сослан.

В этот день Гу Юаньбай отложил все государственные дела, взял своего личного охранника Сюэ Юаня и некоторых других людей и вышел из дворца, чтобы посмотреть на изгнание императорского цензора.

Там стояла длинная очередь расстроенных людей, и первым среди них был императорский цензор. Его лицо было изможденным, глаза впалыми, и казалось, что он потерял всякую надежду на жизнь. Его глаза были налиты кровью, губы потрескались, а сам он был одет в тюремную мантию.

Люди, стоявшие по обеим сторонам дороги, кричали на тех, кто стоял в очереди, бросали в знаменитых гнилые овощи и листья. Лица этих людей выражали одновременно восторг и негодование.

"Смотрите, это вор во плоти! Это он развратил местных чиновников и вступил с ними в сговор, чтобы обокрасть простых людей!"

"Ужасно! Трусливый чиновник!"

Императорский цензор... вернее, Фэн Чэнчжи, который больше не был императорским цензором, на ходу выслушивал словесные оскорбления. Внезапно он почувствовал, что император позволил ему пережить такую ситуацию после того, как его только что обвинили в коррупции, вместо того, чтобы приговорить его к смерти, сделал это не из доброты.

Император не был так добр.

Это было хуже смерти.

Фэн Чэнчжи окинул взглядом рестораны и чайные по обе стороны дороги и посмотрел на людей, которые с отвращением смотрели на него. Гнилые листья овощей в их руках были брошены на головы, а глаза с отвращением смотрели на них сверху вниз, словно все они были гнусными ублюдками.

Он действительно был ублюдком...

Фэн Чэнчжи провел более десяти лет при императорском дворе, прежде чем стать императорским цензором. Естественно, он знал, что, как должностное лицо двора, растрата и

воровство будут иметь тяжелые последствия.

Он редко принимал подарки, потому что, как только это обнаружится, его отвернут тысячи людей, и это будет расцениваться еще хуже, чем обычные коррумпированные чиновники.

А он не был коррумпированным.

Но император сказал, что был, и сам признался в этом, так что теперь его будут считать преступником и презирать веками.

Улица, где несколько лет назад он был титулован в золотом списке, теперь стала местом, где его высмеивали. В то время люди на улице и студенты, не попавшие в рейтинг, смотрели на него с завистью и ревностью, а теперь они испытывали отвращение и злорадствовали над его позором.

Гу Юаньбай переоделся в простую одежду и спрятался в малозаметной группе, окруженной людьми. Он спокойно смотрел на группу наказанных чиновников и их семей, отвергнутых народом.

В группе были слабые и невинные женщины и маленькие, невезучие дети, либо со слезами на глазах, либо растерянные и невежественные. Их ждало кошмарное будущее. В древние времена семьи преступников получали наказание, особенно за тяжкие преступления.

Чем больше амбиции, тем выше цена. Однако всегда находились люди, которые считали, что могут получить желаемое, не платя за это цену.

Гу Юаньбай чувствовал, что он был довольно безжалостным.

В этот момент он смотрел на невинных, которые были замешаны, с сожалением и жалостью в сердце. Глядя на Императорского Цензора, которого проклинали, он чувствовал себя очень спокойно.

Если ты делаешь что-то неправильно, ты должен за это заплатить. Поскольку Императорский Цензор попал на корабль принца Ци, он должен был быть готов к тому, что Гу Юаньбай запустит его.

Люди, наблюдавшие за происходящим, были не просто обычными людьми, но и страстными учеными. Они кричали на императорского цензора, нарушившего закон, краснея при каждом предложении, на их шеях вздувались зеленоватые вены.

Некоторые даже сочиняли стихи на месте, чтобы высмеять их, и как только они представляли рифму, все вокруг смеялись и хлопали.

Такова была реальность, и со временем она стала историей.

После того как императорского цензора увели подальше, Гу Юаньбай обернулся, и сопровождавшие его люди защитили его от толпы. Как только он удалился от толпы, воздух стал чище.

Вокруг бродило много ученых в конфуцианских одеждах, ярко светило полуденное солнце. Гу Юаньбай посмотрел на чайные домики по обеим сторонам дороги и сказал: "Пойдем, поищем место, где можно охладиться".

Даже проведя время на солнце, Гу Юаньбай был бледен, а легкий пот на его лбу был прозрачен, как стекло. Его длинные волосы сползли через плечо на лоб, выглядя очень освежающе.

Сюэ Юань натянул на себя халат, почувствовав тепло, и две ужасные раны от укусов на его шее стали видны. Тянь Фушэн стоял рядом с ним и улыбнулся, увидев раны. "Страж Сюэ, похоже, эта рана довольно болезненна, не так ли?"

В тот день, когда Сюэ Юань нес императора обратно во дворец с шеей, залитой кровью, никто не видел характер раны, так как она была скрыта кровью. А если бы и увидели, то не вспомнили бы об этом спустя столько дней.

<http://bllate.org/book/15154/1338843>